

Он горько рыдал: Приемный отец невиновен, все эти десятилетия он носил в сердце тяжкое чувство вины и изо всех сил пытался искупить грехи. И хотя за убийство полагается смерть, он был доведен до крайности и вынужден убить, но раз жизнь уже отдана, как можно позволить ему даже после смерти нести дурную славу?

Он отменил прошлый указ и лично издал новый о реабилитации, посмертно признав Чжуан Цзяня невинным и пожаловав ему должность цензора, соответствовавшую чину его отца. Он приказал заново отстроить усадьбу и поля рода Чжуан в Сяньяне, разыскать уцелевших сородичей: одаренных и умных назначить на чиновничьи должности, а не имеющих талантов одарить плодородными землями и серебром, обязавшись непременно проявить милосердие к потомкам и роду его приемного отца.

Когда погибла его мать Чжан, он был слишком мал, чтобы сильно скорбеть или затаить обиду. К тому же добрые поучения и отеческая забота Чжуан Цзяня за одиннадцать лет навсегда врезались ему в память. Напротив, он проникся великодушием, милосердием и благородством того, кто ушел из жизни, но оставил заветы: «Смерть забрала человека, прояви милосердие к живым. Прости и не держи зла, твори добро превыше всего». Пусть ученые мужи и осуждали это, весь мир преклонялся перед таким благородством.

Бывшая императрица ЦАО Цзе была разжалована в простолюдинки и временно заключена в Цзунчжэнсы. Лишившись всех слуг, она сама добывала рис и хворост, доживая свой век в нужде и отчаянно желая умереть. Она умоляла императора Пинди позволить ей последовать за ушедшим императором в могилу. После восшествия Лю Фу на престол была объявлена всеобщая амнистия, и по просьбе Ван Цзычана новоиспеченный император велел вернуть ее во дворец. Возле Зала вдовствующих императриц для нее отремонтировали буддийскую молельню. ЦАО Цзе коротала дни под мерцание лампад перед ликом Будды, завершая свой земной путь в раскаянии, слезах, горькой тоске и вине.

Семья государственного канцлера Цинь Сэня, замешанного в государственной измене, поначалу подлежала казни с уничтожением девяти родов: мужчин предписывалось отправить в военные поселения, а женщин — обратить в судомойки и певички. Все они были брошены в тяжелые темницы. После гибели императора Юаньхэ и воцарения нового правителя мир погрузился в смуту, и все позабыли об участии этого семейства. Проведя в глубоких подземельях четыре-пять лет, большая часть сородичей заболела и умерла в нищете.

Среди потомков рода Цинь нашлась девушка по имени Цинь Энь — смелая и решительная. Она направила императору Пинди прошение, полное доводов и искренней боли, умоляя позволить ей войти во дворец рабыней и проявив милосердие к остаткам клана Цинь. Лю Фу был крайне поражен и, тронутый ее мужеством и преданностью, приказал даровать прощение оставшимся в живых членам рода Цинь и самой Цинь Энь.

Объявив всеобщую амнистию, Лю Фу назначил Пэй Ляна великим сыма, а Чжан Цанлин занял пост наместника в областях Лань и Юй. Князь Юнпин Цай Вансунь получил должность командующего войсками на востоке, наконец исполнив свое заветное юношеское желание — надеть доспехи, взять в руки алебарду и пройтись конем по цветам Чанъаня.

Встретивший просветление после долгих лишений Юнбужун за год заботы и внимания был возведен Лю Фу в ранг князя Юнван, сполна вкусив богатства и роскоши.

Даже чанъаньский столичный префект получил прибавку к жалованью — император особо отметил его заслугу в том, что в ночь дворцового переворота тот поспешно вернулся в управу и лег спать. В смутные времена сильные мира сего видят всё до мельчайших деталей. Когда нужно бросаться в бой — идти на передовую и рубить врагов, а когда положено спать дома — садиться в седло и скакать спать в постель: постичь эту науку одновременного безумия и прозрения дано далеко не каждому.

Бывший наследный принц в ночь кончины императора Юаньхэ приказал вернуть Лю Фу во дворец, а на следующий день император скончался, и Лю Фу немедленно взошел на престол. Лю Юби подал прошение об отставке с поста наследного принца; Лю Фу уговаривал его изо всех сил, но так и не смог переубедить, а потому был вынужден согласиться. Сохранив лишь старое титульное имя прежнего Сяньянского вана, Лю Юби отказался от чинов и удельных земель и навсегда покинул Чанъань, переселившись в старую столицу Сяньян.

Перед самым отъездом он отправился в Великий суд, чтобы повидаться с временно содержавшимся там Ло Аошэном.

Ло Аошэн к тому времени стал канцлером в Шаншушэне, и его чин, власть и титул уже превосходили прежние заслуги гостя. Ло Аошэн велел передать ему через слуг: Не увидимся. С Сяньянским ваном мы не родственники, не близкие люди и даже не друзья; меж нами нет ни привязанности, ни взаимопонимания, говорить не о чем, и в прощании нет нужды. Если же Сяньянский ван желает справиться о теле какого-то преступника, Великий суд поступит по закону, и Сяньянскому вану не стоит утруждать себя расспросами. Вот и всё.

Лю Юби пробродил вокруг несколько дней, но Ло Аошэн так и не удостоил его ответом. Делать было нечего, и он ушел погруженный в мрачную тоску.

Лю Юби вместе с Ван Цзычаном выехали из города по старой чанъаньской дороге. По пути лето входило в свои права, горизонт утопал в буйной зелени, а пышные цветы клубились туманными облаками. Сидя в седле, Лю Юби вдруг смутно почувствовал, будто уже видел эти пейзажи прежде.

Небо было подернуто дымкой, а у самого солнца набегал мелкий дождик. Лю Юби внезапно вспомнилось, как в детстве он шел куда-то в сопровождении человека среди пышно цветущих и бесконечно прекрасных холмов.

Под моросящим дождем им довелось встретиться с тем, кто шел ему навстречу в белых одеждах, с высокой прической и на деревянных колодках.

Словно прошла целая жизнь.

Летний дождь брызнул в лицо Лю Юби, и щеки его оросились влагой — оказывается, сам того не замечая, он уже плакал.

Прошло три года.

В марте Лоян утопал в цветущих садах, словно в облаках, и покрылся свежей молодой зеленью. За стенами города катила свои широкие и стремительные воды река Лохэ; по ее глади медленно плыли вниз по течению крупные торговые суда. Это были богатые земли Ило, где сливались четыре реки и вздымались кольцом горные хребты. Издалека большие корабли казались миражом, изумрудный бамбук рос сплошными рощами, и не зря эти места издавна славились репутацией: Окруженные горами и реками, пейзажи превосходят все поднебесные.

На широкой речной глади сновали взад и вперед торговые, чиновничьи и рыбацкие лодки. На судах высоко вздымались лазурные циновки навесов, и над водой разносились звуки струн и флейт, плывущие вместе с речным потоком. Поскольку воды Ло находились меж трех великих речных артерий — Цзян, Хуай и Хуанхэ, — судоходство здесь было чрезвычайно оживленным.

Вдоль берега тянулась столбовая дорога, по которой нескончаемым потоком шли пешеходы. Молодой мужчина неспешно шагал по тропе вдоль речного обрыва. На нем было длинное синее ханьфу, статная фигура казалась выточенной из яшмы, а правильные черты лица напоминали чистый сияющий лунный свет над мирными землями. Красотой он не уступал Пань Аню: ликом чересчур пригож, словно весенний цветок, а во взгляде таилась глубокая печаль. Настоящий писанный красавец, чье изящество омрачалось глубокой скорбью и неизбывной тоской.

Позади него семенил старый слуга, за которым следовали нанятые носильщики. Усталый от пыльной дороги путника, господин вдруг остановился и поднял взгляд на плывущую неподалеку лодку.

В нескольких чжанах от них по чистым волнам Лохэ скользила рыбацкая лодка под попутным парусом, держа курс вниз по течению. На носу, ухватившись за весло, стоял простолюдин и правил судном. Легкий вебрик, рябивший по реке, слегка покачивал каюту, и тени на палубе мер, в такт колыханию.

Молодой путник на берегу внезапно уставился на человека с веслом и в изумлении выдохнул:

— Этот человек... почему он так похож на него?

Шедший следом молодой слуга окинул взглядом реку и усмехнулся:

— Вовсе не похож. Тот человек от природы обладал совершенно заурядной внешностью, так что любому простому прохожему покажется, будто он на него похож. Мой господин вечно говорит, что кто-то смахивает на него, но еще ни разу никто не оказался по-настоящему похож.

Молодой господин в синем не стал спорить и махнул слуге, подзывая ближе. Делать было

нечего, слуга послушно зашагал вперед, пока не добрался до самой кромки воды, и зычным голосом окликнул лодочника. Человек на носу услышал его и, удивленно замер, растерянно глядя на господина и слугу. Слуга отвесил поклон с берега и спросил:

— Уважаемый, подскажите, как ваше имя и фамилия? Где ваш дом? Мой господин желает завести с вами знакомство.

Лодочник поднял глаза на знатного и прекрасно одетого юношу на берегу и совершенно растерялся. Опустившись на колени, он ответил:

— Меня зовут Бай Чжи, живу в Лояне, промышляю переправой. Скажите, с какой стати вашему благородному господину знаться с таким нищим человеком, как я?

Слуга, будучи человеком нанятым недавно и еще не привычным к странностям хозяина, мысленно подумал: И впрямь, с чего это наш чистокровный господин помешался и вечно ищет дружбы со всякими нищими уродами? Закатив глаза, он бросил:

— Выходит, ты не по фамилии Чжуан и живешь не в Сяньяне?

Лодочник покачал головой:

— Малышу никогда не доводилось бывать в Сяньяне, и фамилия у меня другая.

Слуга хлопнул в ладоши, повернулся к господину и с улыбкой произнес:

— Господин, раз он ни зовется Чжуаном, ни живет в Сяньяне, мы можем идти дальше.

Тогда слуга и господин повернулись и зашагали проц, оставив ошеломленного лодочника стоять посреди лодки с разинутым ртом.

Красивый словно нефритовая кукла молодой господин шел и вздыхал, а лицо его омрачало горькое выражение.

— Я и прежде не мог толком запомнить его лицо, видимо, и впредь не смогу, — тихо проговорил он. — И верно говорят: на людей можно смотреть лишь издали, но нельзя приближаться, а тем более — запечатлевать в сердце.

Он, разумеется, и был Сяньянским ваном Лю Юем.

Вернув себе прежнее титульное имя вана, он сократил прежнее двусложное «Юби» до одного знака «Юй», равнодушно пояснив: «Юби» умер вместе с матерью, когда ему было семь лет, и прежде он вовсе не желал менять имя. Но после отречения от престола вдруг прозрел, а потому и сменил имя.

Не яшма-сырец, не бирюза — чистый, истинный нефрит.

Но за этой небрежно брошенной фразой «прозрел» никто не мог разглядеть раненое, покрытое кровавыми рубцами сердце.

Более трех лет он странствовал по свету, находя утешение в горах и реках — исходил вдоль и поперек все окрестности. Побывав в окрестностях Бяньляна и Лояна, на юге и севере Янцзы, он обошел чуть ли не полстраны. Помимо стремления заглушить тоску и скорбь, в его сердце теплилось тайное, сокровенное желание.

Он хотел отыскать следы тех мест, где прошли юные годы этого человека, в надежде хоть немного уловить отзвуки его голоса, черты его лица, понять его поступки? А может, стать чуточку ближе к нему?

Он даже пытался отыскать людей, чья внешность, характер или склад ума напоминали бы того человека. Но он потратил бесчисленные часы и душевные силы, разыскивая похожих людей по всей Поднебесной и среди простого народа, однако больше не встретил никого, кто хотя бы отдаленно напоминал его тень.

Этого человека больше не было в живых, и оставалось лишь искать следы его бывшего пребывания, чтобы высечь их в своем сердце и помнить до конца дней — пожалуй, лишь это могло послужить хоть каким-то утешением.

Зеленеющие воды катили волны, сливаясь на горизонте с небом. Всё в этом мире, подобно реке, уходило безвозвратное.

Лодочник оттолкнулся шестом и поплыл дальше. В этот момент на стоявшем поблизости огромном двухпалубном чиновничьем корабле откинулась синяя циновка дверного проема, и на палубу вышел человек. Встав у борта, он с удивлением посмотрел в их сторону и невольно усмехнулся.

Фигура его была стройна, как ивовый прут, а благородное лицо отличалось тонкой красотой ученого мужа. Вокруг него стояли суровые стражи с парадным оружием, толпились сопровождающие чиновники, почтительно отступая назад и давая дорогу. Его величественный вид выдавал в нем нынешнего канцлера — Ло Аошэна.

Сяньянский ван Лю Юй поднял глаза и, слегка удивившись, поприветствовал его:

— Канцлер Ло, это вы? Вы возвращаетесь на родину навестить родных?

Ло Аошэн был родом из земель Янь и Чжао и каждый год в апреле или мае ездил на малую родину проводить семью.

Выйдя из каюты на нос корабля, Ло Аошэн терпеть не мог суеты с приветствиями и проводами местных чиновников в проезжаемых уездах, предпочитая тишину и покой. И надо же было такому случиться — именно здесь, на изгибе Лохэ, столкнуться с этим неловким человеком, с

которым не было причин дружить, но и не хотелось враждовать, с которым не связывали ни старые обиды, ни желание общаться.

Будучи от природы немногословным, после дежурных любезностей он и вовсе решил не продолжать разговор и молча повернулся, чтобы уйти.

Лю Юй проводил взглядом его хрупкую фигуру, скользнувшую по палубе с легкостью летящей дикой гуси. В мыслях мелькнуло: за два-три года разлуки Ло Аошэн и вправду стал еще тоньше, но держался теперь куда увереннее и глубже.

Корабли начали расходиться, и пышное судно канцлера уже почти проплыло мимо. Лю Юй поднял голову, сделал за кораблем несколько шагов и вдруг громко окликнул:

— Канцлер Ло, доводилось ли вам в последнее время видеть его?

Ло Аошэн резко обернулся, вскинув взгляд. Его черные, пронзительные глаза блеснули, вонзившись в сердце Лю Юя подобно иглам, и он холодно бросил:

— Кого видеть? Кого вообще можно увидеть? Я не понимаю, о чем толкует Сяньянский ван.

Сердце Лю Юя сжалось от боли. Лицо его осталось неподвижным, но голос задрожал:

— Приближается праздник Цинмин, вот я и вспомнил старого друга. Наверное, могила моего старого друга уже поросла зеленой травой. Потому я и задал этот вопрос.

Ло Аошэн беззвучно усмехнулся. Стоя на носу корабля, он отвел взгляд обратно к катящимся волнам, и слова его потекли так же гладко и холодно, как гладь реки у мелководья:

— Если проходит слишком много времени, даже могилы разрушаются и не могут стоять вечно. Если старый друг жив в твоём сердце, то где же не найдешь повода для скорби? Человеку в этой жизни следует дорожить тем, чем должно, пока оно рядом, а не лицемерить перед остывшим гробом, пытаясь задним числом осознать свои упущенные желания... Подобное поведение смахивает на насмешку над другими и в то же время несправедливо к самому себе, не так ли?

Они не упоминали былое прямым словом, но оба прекрасно всё понимали. Тая обиду, Ло Аошэн не понимал Лю Юя, не принимал его, не помогал ему, но и не враждовал, оставаясь чужим. В этих словах не было открытого оружия, но они разили острее любого клинка, беззвучно пробивая грудь и вонзаясь прямо в сердце.

Лю Юй онемел, не находя слов для оправдания.

Больше не глядя на него, Ло Аошэн вернулся в каюту. Гребцы подняли паруса, и корабль, подгоняемый ветром, поплыл дальше, оставляя стоящих на берегу людей позади.

Пройдя с пол-лики вдоль берега, троица добралась до заброшенного святилища, затерянного в лощине горы Яншань у вод Лохэ. С полугоры открывался вид на снующие по реке суда, а живописные зеленые холмы и чистая вода напоминали развернутый свиток туманного пейзажа.

Стены храма обветшали от времени и отсутствия ремонта. Монахов почти не осталось, а благовония давно не воскурляли.

Обойдя обитель вокруг, они увидели лишь струйки редкого дыма и рушащиеся полуразвалившиеся стены. Увидев посетителей, дряхлый монах поспешно подошел поприветствовать их, а когда Лю Юй небрежно бросил ему серебра, служитель со слезами благодарности побежал хлопотать о постной трапезе.

Лю Юй махнул рукой, показывая, что не стоит беспокоиться — они пришли лишь побродить по двору и полюбоваться пейзажами.

Монах покачал головой:

— Странно, как странно. В моей убогой обители обычно и за день живой души не увидишь, а нынче гости идут один за другим. Диво дивное.

Взяв с собой Ван Цзычана, Лю Юй принялся внимательно разглядывать фрески на стенах, миновал первый зал и не спеша зашагал в боковой придел.

На стенах красовались росписи ремесленников, путешественников и ученых мужей: бессмертные, божества, птицы, звери, цветы, деревья и стихотворные строки. Едва они вошли внутрь, как налетевший снаружи легкий ветерок взметнул занавески в углу, обнажая боковую стену, сплошь покрытую разнообразными фресками и надписями.

Ван Цзычан указал пальцем на роспись и радостно воскликнул:

— Ваше Высочество, взгляните! Похоже, это портрет пятнадцатилетнего Чжоу Вэйчжуана.

Лю Юй торопливо приблизился и при свете, падающем снаружи, взгляделся в изображение. На стене была нарисована картина весенней прогулки среди цветов. На ней был запечатлен юноша в развевающихся одеждах, легких, как у небожителя: брови — словно начертанные тушью холмы, губы — как лепестки без помады, хрупкая фигура, еще по-детски наивное лицо, а в пальцах — веточка персикового цвета с легкой улыбкой на губах. От него веяло чистой, неземной сказочной красотой. И хотя прошло уже более двух десятков лет под палящим солнцем и ветрами, кисть мастера сохранила божественную силу, и фигуры казались живыми, готовыми сойти со стены.

Рядом мелким почерком лейшу было выведено стихотворение:

Поздняя весна еще свежа и мягка, ароматные травы не увяли; выходим за восточные ворота

пригорода, а благородные гости кружатся, точно облака.

Посвящается брату Вэйчжуану — Чжуан Цзянь.

Взгляд Лю Юя скользнул в сторону, где на противоположной стене располагался еще один небольшой рисунок. В тот же миг он широко раскрыл глаза, а дыхание перехватило. На искусно исполненной фреске тоже был изображен человек: распахнув белые одежды, он обеими руками сгребал полные пригоршни осыпающихся цветов и светло улыбался. Лицо человека лучилось радостью, глаза сияли влажным осенним блеском, брови походили на взмывающие ввысь разноцветные облака, высокие черные волосы были собраны в узел, а белые одежды сияли белизной чистейшего снега. Рукава развевались так широко, что он казался небесным божеством.

Сердце Лю Юя тяжело затрепетало, словно по нему ударили тяжелым молотом. Взглянув на надпись рядом с портретом, он узнал изящный почерк чжуань — каждый иероглиф был вырезан так четко и аккуратно, будто высечен резцом по камню:

Цветы устилают землю сплошным ковром, тепло укрывая её, как парча; облачаясь в травы маньцзю и духэн, срывая благоухающие бутоны, чтобы преподнести их тому, о ком тоскую.

Стихи Чжоу Вэйчжуана и Чжуан Цзяня.

Это были следы тех дней, когда пятнадцатилетние Чжуан Цзянь и Чжоу Вэйчжуан вместе гуляли по Лояну, оставив на память взаимные портреты и стихотворения.

Разумеется, на фресках были запечатлены юные Чжуан Цзянь и Чжоу Вэйчжуан.

Люди ушли, а старые следы остались. Лю Юй вглядывался снова и снова, и ему чудилось, будто юный Чжуан Цзянь с картины сейчас вспорхнет прямо перед его глазами. Тогда Чжуан Цзянь был так лучезарен, так беззаботно смеялся, сгребая в полы одежд цветы! Должно быть, он был беззаботным, полным горделивой юношеской энергии сыном знатного рода, окруженным верными друзьями, вкушающим все радости цитры, шахмат, каллиграфии, живописи, стихов и вина, и еще не ведал, что спустя два года его род будет уничтожен, а сам он обречен на скитания длиною в десятилетие.

Лю Юй всматривался, пока глаза не заволокла пелена слез...

Он протянул руку и едва коснулся пальцами изображения Чжуан Цзяня. Прошло двадцать лет, а эта фреска все еще держалась на стене — простоит ли она еще сотню лет? Сможет ли он, Лю Юй, помнить Чжуан Цзяня даже через сто лет? Сумеет ли он дожить до этого века, чтобы помнить его? Его смех, его печаль, его радость, боль, ум, дерзкие шутовские выходки... Сможет ли он, Лю Юй, пронести это через всю жизнь и не забыть до самой смерти? Если он забудет, то в целом мире больше не останется ни души, которая знала бы, что на свете жил столь удивительный человек, как Чжуан Цзянь?!

Лю Юй опустил ресницы, и глаза защипало от подступившей влаги. Капли влаги дрогнули на

ресницах и сорвались вниз, скатившись по вороту на самое дно одежд. Капля за каплей, словно разорванные бусины, они падали прямо в сердце, прожигая его искрами и оставляя тайные раны.

Прошло уже три года, а боль не утихала, память не отпускала. Лю Юй содрогался от ужаса: с каких пор этот человек так глубоко, черта за чертой, вырезал себя на дне его души?

В те мгновения, когда он предавался безудержному веселью под луной? Когда тот спас ему жизнь? Когда шутил и дразнил его? Когда рассуждал о золотой середине? Что же делать, если забыть его невозможно? Неужели эта тоска и привязанность будут преследовать его до конца дней, не давая покоя?

Это чувство было не чем иной, как неумолимой, преследующей повсюду местью: он приговорил его к смерти, а тот в ответ опутал его сердце из самой преисподней, похитил его дух и душу, заставив тосковать до мозга костей, изъедая плоть и иссушая разум, не давая ни жить, ни умереть, обрекая на невыносимые муки тоски и тяжкие думы, на ту самую жестокую казнь, когда одежды становятся широкими от исхудания, а человек чахнет день ото дня.

Упершись руками в стену и прижавшись к ней лбом, он беззвучно разрыдался.

Ван Цзычан не смел смотреть на него и поспешно отвел взгляд. Его глаза случайно упали на соседнюю стихотворную надпись. Внезапно он широко раскрыл глаза, дрожащим пальцем указал в сторону стены и испуганно позвал:

— Ваше Высочество! Посмотрите-ка сюда...

Лю Юй резко поднял голову и перевел взгляд на стену, куда указывал спутник. Слева от портрета юного Чжоу Вэйчжуана виднелись изящные мелкие строчки, затерявшиеся в тени и потому сперва не бросавшиеся в глаза. Широко распахнув глаза, Лю Юй вчитывался слово за словом:

Счастливая встреча вряд ли повторится вновь, три года пролетели как тысячелетие. У речных берегов слезы орошают длинные одежды, и мысли о тебе наполняют сердце бесконечной тоскою...

Это короткое пятистишие было выведено прямо рядом с изображением Чжоу Вэйчжуана размашистым, уверенным почерком, с сильными, резкими штрихами. Черные чернила еще источали аромат, а тушь казалась совсем свежей.

— Если упущено время счастливой встречи, больше не увидеться; какая разница между тремя годами и тысячью лет? Стоя у реки Лохэ, омываешь слезами одежды, и сердце щемит от тоски по тебе...

Пять коротких строк были пропитаны глубокой тоской по ушедшему, и написаны они были прямо у фрески с изображением юного господина из рода Чжоу.

В голове Лю Юя словно гроыхнул среди ясного неба удар молнии. Уставившись на стену, он не в силах был совладать с собой, все его тело забилося в дрожь. Этот почерк показался до боли знакомым! Дрожащим пальцем он указал на строчки и поднес руку близко к глазам, чтобы рассмотреть. На его гладких, словно нефрит, пальцах отчетливо чернело темное пятнышко туши...

Следы туши не высохли...

Сердце Лю Юя готово было выпрыгнуть из груди. Резко обернувшись, он увидел входящего в двери монастырского монаха. Бросившись к нему, Лю Юй вцепился в воротник его рясы, с кровью налитыми глазами и дрожащими зубами истошно завопил:

— Кто... Кто только что здесь был?!

Монах от страха осел на пол, лишившись душâ и тела, и заикаясь забормотал:

— Сегодня утром... какой-то важный чиновник из столицы со слугами тоже приходил полюбоваться садом. Этот господин только что спустился с горы, наверняка они уже сели на лодку и уплыли...

Лю Юй оттолкнул монаха. Спотыкаясь и едва не падая, он бросился к выходу из храма, побежал по горной тропе, оступился, кубарем покатился по склону, но тут же вскочил на ноги.

Сделав над собой усилие, Лю Юй духу добежал до самого речного берега.

Там, посреди изумрудной глади залива Лохэ, только что отошедший от берега корабль как раз держал путь на середину реки, направляясь вниз по течению.

Лю Юй замер на берегу, глядя вслед удаляющемуся судну — казалось, вместе с ним по капле уходит его собственная душа. Спотыкаясь, он побежал по берегу следом за кораблем, но тот уплывал все дальше. Он открыл рот, желая крикнуть, но голос застрял в горле; он снова и снова размыкал губы, чувствуя невыносимую, жгучую боль в груди, и наконец, заливаясь слезами, всюю закричал:

— Чжуан... Чжуан Цзянь!..

Это имя было слишком трудным для произнесения, он прятал его на самом дне сердца больше десятка лет и ни разу не осмеливался произнести вслух. Но стоило ему слететь с губ, как оно мгновенно воспламенило его душу, спалив всего целиком. Бежав по берегу за плывущим посреди реки кораблем, Лю Юй отчаянно и надрывно кричал:

— Чжуан Цзянь!.. Чжуан Цзянь!.. Чжуан Цзянь!

Ветер дул сильнее, корабль плыл все быстрее, с каждой секундой удаляясь от него. Лю Юй бежал по берегу из последних сил, срывая голос и выкрикивая единственные слова, которые

теперь имел право произнести:

— Чжуан Цзянь! Чжуан Цзянь!

<http://bllate.org/book/21149/2144297>